ПОЭТИЧЕСКОЕ И ЛИТУРГИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО В БОГОСЛОВИИ В. Н. ЛОССКОГО

Сергей Александрович Колесников
Доктор филологических наук, проректор по научной работе Белгородской православной духовной семинарии, профессор Белгородского юридического института МВД России (Россия)
Skolesnikov2015@yandex.ru

DOI: 10.55398/27826066_2023_4_8_19

Аннотация. В данной статье автор ставит перед собой цель рассмотреть взаимодействие поэтического и литургического аспектов в богословском наследии известного русского православного богослова Владимира Николаевича Лосского. Соотношение этих составляющих определяет своеобразие поэтики Лосского, которая обрела такие духовно-эстетические особенности и художественные средства, которые позволяют усилить воздействие богословских идей. Важным в изучении творчества В. Н. Лосского становится выявление специфики поэтики и образности языка ученого, неизбывно включенных в богословский контекст. Особое место в построении богословской системы Лосского занимает музыкальность как богословский ресурс, научающий особому типу духовно-эстетического поведения. Результатом единения поэтического и литургического становится подлинно духовная красота, призываемая в мир через ее богословское осмысление. Именно духовная красота порождает благодарение за возможность восприятия красоты, возникновение радости от присутствия духовно-прекрасного в том месте, где человек открывает себя Богу, встречается с Божественным.

Ключевые слова: богословие В. Н. Лосского, творческий потенциал богословия, православное богословие, музыкальность богословия, поэтичность богословия.

Для цитирования: *Колесников С. А.* Поэтическое и литургическое творчество в богословии В. Н. Лосского // Сретенское слово. Москва : Изд-во Сретенской духовной академии, 2023. № 4 (8). С. 19–30. DOI: 10.55398/27826066_2023_4_8_19

POETIC AND LITURGICAL CREATIVITY IN V. N. LOSSKY'S THEOLOGY

Sergey Alexandrovich Kolesnikov
Doctor of Philology, Vice-Rector for Scientific Work of the Belgorod Orthodox Theological Seminary, Professor of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia)
Skolesnikov2015@yandex.ru

DOI: 10.55398/27826066_2023_4_8_19

Abstract. In this article, the author aims to examine the interaction of poetic and liturgical aspects in the theological heritage of the famous Russian Orthodox theologian Vladimir Nikolaevich Lossky. The relationship between these components determines the originality of Lossky's poetics, which acquired such spiritual and aesthetic features and artistic means that make it possible to enhance the impact of theological ideas. It is important in studying the work of V. N. Lossky to identify the specifics of the poetics and imagery of the scholar's language, which are inevitably included in the theological context. Musicality occupies a special place in the construction of Lossky's theological system as a theological resource that teaches a special type of spiritual and aesthetic behavior. The result of the unity of the poetic and the liturgical is truly spiritual beauty, called into the world through its theological understanding. It is spiritual beauty that gives rise to gratitude for the opportunity to perceive beauty, the emergence of joy from the presence of spiritual beauty in the place where a person opens himself to God and meets the Divine.

Key words: theology of V. N. Lossky, creative potential of theology, Orthodox theology, musicality of theology, poeticity of theology.

For citation: *Kolesnikov S. A.* Poetic and Liturgical Creativity in V. N. Lossky's Theology // Sretensky Word. Moscow : Sretensky Theological Academy Publ., 2023. No 4 (8). Pp. 19–30. DOI: 10.55398/27826066_2023_4_8_19

Духовно-интеллектуальный метод В. Н. Лосского позволял ученому-богослову применять его практически на всех перспективных направлениях философии языка, активируя те его аспекты, которые в максимальной степени могли бы стать выразительными средствами в решении поставленных богословских проблем. Языковая чуткость ученого давала возможность не только соотносить богословскую проблематику с фундаментальными понятиями философии языка, но и творчески использовать поэтический ресурс языка, что и являло специфику богословия В. Н. Лосского. Богословие имеет право на поэтичность, и Лосский в полной мере пользовался этим правом.

Поэтика Лосского-богослова имела свои особенности и свои художественные средства, позволяющие усилить духовно-эстетическое воздействие богословских идей. Сама возможность использования в богословии поэтических ресурсов языка восходит еще «к спору о Софии», но в полной мере осознание результативности поэтики в богословской сфере приходит к Лосскому в 1940-е годы, когда он начинает выступать перед достаточно широкими аудиториями. Собственно, весь «Очерк мистического богословия Восточной Церкви», а также «Боговидение» и «Догматическое богословие» пронизаны богословской поэтичностью, призванной сделать богословские тезисы более яркими и образными. Например, если проанализировать с точки зрения поэтики финалы новелл в «Догматическом богословии», то можно обнаружить, что Лосский сознательно использует прием эмоционально-поэтического, пафосного завершения главы: «…вера питает мысль и возносит ее над ее границами к тому созерцанию, цель которого есть участие в Божественной жизни Пресвятой Троицы» [Лосский 2006: 474]; «Библия часто говорит о пламенеющей и гремящей Славе, которая позволяет познать Бога вне Его Самого, сокрывая Его в потоках света. Святой Кирилл Александрийский говорит о великолепии являющей себя Божественной сущности. Непрестанно повторяются, отображая сияние ослепительной красоты, светозарные термины» [Там же: 477]; «Тварные существа поставлены на творческом слове Божием, как на алмазном мосту, под бездной Божественной бесконечности, над бездной собственного своего небытия» [Там же: 482] и т.д.

Можно говорить о поэтике и образности языка Лосского, неизбывно включенных в богословский контекст, в его трудах догматичность облекается в поэтичность. Отдельные фразы можно рассматривать как

нерифмованные стихи: «Первое мгновение — неделимо, его даже нельзя назвать бесконечно кратким, оно — вне временного измерения: это — момент-грань и, следовательно, стоит вне длительности» [Там же: 489]; «все Божественные имена, которые передают нам общую жизнь Трех, исходят от Отца через Сына и в Духе Святом. Отец есть источник, Сын — явление, Дух — сила являющая. Поэтому Отец есть источник Премудрости, Сын — сама Премудрость, Дух — сила, усвояющая нам Премудрость; или: Отец есть источник любви, Сын — любовь, Себя открывающая, Дух — любовь, в нас осуществляющаяся» [Там же: 477] и др. При этом сам Лосский отчетливо осознавал те возможности, которые раскрываются в сочетании поэтичности и богословия. Так, говоря о Троице в ее богословском осмыслении, Лосский подчеркивал уникальность поэтической выразительности для богословия: «Святой Григорий Богослов, величайший богослов Пресвятой Троицы, мог говорить об этой тайне только в форме поэтической, потому что только поэзия способна в словах явить потустороннее… Троица есть изначальная тайна, Святая Святых Божественной реальности, сама жизнь Бога сокрытого, Бога Живого. Только поэзия может представить нам эту тайну; именно потому, что поэзия славословит и не претендует на объяснения… Троица не может быть постигнута человеком. Она сама объемлет человека и вызывает в нем славословие. Когда же мы говорим о Троице вне славословия и поклонения, вне личного отношения, дарованного верой, язык наш всегда неверен» [Там же: 475]. Тем самым Лосский выделял основные ресурсы поэтического языка, делающие его незаменимым ресурсом богословия: во-первых, способность говорить о невыразимом, о потаенном, об апофатичном и, во-вторых, способность к богославию с использованием всего спектра художественной образности и выразительности.

Вместе с тем В. Н. Лосский понимал и опасность, исходящую от чрезмерного увлечения поэтичностью в богословии. Негативным примером была уже для него софиология, когда поэтичность и фантазийность могла подменять богословскую выверенность: «Обнажение тайны — удел внешних невежд в учении. Пусть следуют этому пути духовные беллетристы: их легкомыслие не прикрывается именем богословия и не укоряется служением у Престола Божия. Что уместно для Мережковского, невозможно для о. С. Булгакова» [Там же: 41]. Беллетризация богословия недопустима, Лосский усвоил этот тезис еще на самых первых этапах своих занятий богословием, а потому считал, что использование поэтического ресурса

требует от богослова тщательной догматической подготовки и осторожности. Поэтичность не может затмевать догматичность, в погоне за ярким образом богослов не должен выходить за рамки каноничности и церковной выверенности, должен хранить трезвый взгляд на используемые художественные образы.

И все же поэтичность должна быть представлена в богословии, так как встреча с Божественным, отмечал Лосский, предполагает навык поэтического мировосприятия. Лосский доказывал важность богословской поэтики и предлагал увидеть Бога как Создателя «сюжета», открыть через богословие Божественную расположенность к «сюжетности»: «Только в Своем творчестве Бог действует как Причина и создает новый "сюжет", призванный к соучастию в Божественной полноте, который Он охраняет, спасает, дарует ему благодать и направляет к конечной цели» [Там же: 178]. А позднее Лосский настаивал на том, что через воплощение поэтической сюжетности и осуществляется встреча с Божественным, подготовка к которой и ее описание являются важнейшими задачами богословия: «…перед нами раскрывается положительный смысл Божественного дара. Если употребить аналогию (но в этой аналогии кроется весь смысл творения), этот дар подобен щедрости поэта. "Поэт неба и земли", — можем мы сказать о Боге, если дословно переведем с греческого текст Символа веры. Так можем мы проникнуть в тайну тварного бытия: творить — это не значит отражаться в зеркале, даже если зеркало есть первичная материя; это также и не значит напрасно раздробляться, чтобы затем все снова в Себе собрать; творить — значит вызывать новое; творение, если можно так выразиться, — это риск нового. Когда Бог вызывает не из Самого Себя новый "сюжет", сюжет свободный, — это апогей его творческого действия; Божественная свобода свершается в сотворении этого высочайшего риска — в сотворении другой свободы» [Там же: 481]. Божественная поэтичность догматически заложена в акте миротворения; неслучайно он дает ссылку на греческий текст Символа веры («ποιητήν οὐρανού καί γῆς»): Бог выступает поэтом, а потому богословие обязано обращаться к поэтическому ресурсу языка для обретения полноты встречи с Божественным. Само обращение к поэтичности в богословии становится условием пути к обожению, ведь если Бог является поэтом, то и поэтичность превращается в признак обожения.

Вытекающей из понимания значимости поэтичности слова в богословском богопознании для Лосского выступала соположенность творческого

и Божественного, являющих саму возможность богообщения с человеком, выступающим аналогом Слова: «Святой, тварная воля которого свободно соработает волениям-идеям Божиим, его утверждающим и зовущим, в своем бесстрастном созерцании природы провидит мир, как некое “музыкальное согласие”: в каждом творении слышит он слово Слова, и в этом ревностном чтении “книги вселенной” каждая тварь теперь для него уже есть слово пребывающее, потому что *небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут* (Мф. 24, 35)» [Там же: 486]. Человеческая святость, то есть максимально возможная открытость Божественному, немыслима без гармоничности с Божественной поэтичностью, само поэтическое понимание мира Божиего святым становится условием святости, за каждым поэтически воспринятым и произнесенным словом таится Слово, расслышать которое как раз и возможно через богословски выверенную поэтичность.

Но разносторонность творческого подхода в богословии у Лосского не ограничивалась только словесной поэтичностью: богословие как богосл*а*вие (восходящее к традиции доксологии в христианском богословии) могло обретать в презентациях Лосского и иное жанровое определение, например музыкальность. То «музыкальное согласие», которое свойственно поэтическому слову, могло обретать в богословии самую непосредственную музыкальность, или тесную соположенность богославия с музыкой в ее богословском осмыслении. Символично, что принятие духовной значимости музыкальности как богословского ресурса восходит у Лосского еще к идеям его отца Н. О. Лосского, который, в частности, акцентировал внимание на существовании некоей «внутренней» музыки, присущей человеческому телу: «Сокращения мышц в организме производят тона, я пришел к предположению, что музыкальное выражение эмоции находится в связи с этими тонами, пронизывающими тело человека» [Лосский Н. О. 1968: 82]. Музыка, воплощенная буквально в человеческое тело, — эта оригинальная идея отца не могла не отразиться — конечно, уже в преображенном богословском контексте — у сына (показательно, что и у внука, священника Николая Лосского, уже в XXI веке вышла книга «Очерк богословия литургической музыки» [Лосский Н. В. 2021]).

В. Н. Лосский, выросший в атмосфере Серебряного века с его пронизанностью темами об «архе-звуках», «прото-звуках», соотнесенных, в частности, с «Глоссолалией» Андрея Белого, не мог оставить в стороне ресурс музыкальности, использование ее в богословии. Особенно четко свя-

занность богословия и музыки представлена в его статье «Богословские основы церковного пения», где были сформулированы основные оценки роли музыкальности в богопознании. Сложность включения музыкального аспекта в богословскую тематику, отмечал Лосский, связана прежде всего с тем, что музыка «в значительной степени подвержена вкусам» [Лосский. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vladimir_Losskij/bogoslovskie-osnovy-tserkovnogo-penija]. Но эстетическая вариативность музыки вообще не может служить основанием для богословской выверенности, а потому музыкальность должна быть, по мнению Лосского, неразрывно связана с церковностью, и прежде всего с литургичностью. Глубина литургии требует от музыкальности особого состояния, особого отношения к звуковой гармонии. Лосский подчеркивал многослойную сложность литургичности: «Чтобы реализовывать дары, полученные в Церкви, и служить этой последней своими дарами в литургии, необходимо учиться освобождаться: — от различных видов детерминизма человеческой сущности, становиться свободным от них (именно этому служит пост) и более раскрываться дарам Святого Духа; — от попыток господствовать над другими людьми через самовыражение или, скорее, через самоутверждение. Необходимо воспитывать в себе уважение к другим членам общины, учиться служить им, не навязывая своих мнений; — от такого понимания себя, где "я" — центр мироощущения, иначе говоря, необходимо отказаться от эгоцентризма, заменяя его сознанием более церковным, более "единым сердцем", которое все более соответствовало бы сознанию свидетелей церковного опыта Бога всех времен, и стяжать апостольское, следовательно, "кафолическое" сознание (в прямом смысле слова "по полноте"). Таким образом можно надеяться стать голосом, "живым камнем" Церкви. Все это может стать крайне трудным для церковного композитора, исполнителя» [Там же]. Опыт духовного освобождения, духовного преображения, приобретаемый в литургии, может быть представлен и в музыкальности как одной из составляющих литургичности.

Указанная Лосским сложность совмещения/сопряжения музыкальности и литургичности осознавалась и окружающими его людьми. Так, П. Е. Ковалевский (один из участников Братства святого Фотия и священнослужитель, чья деятельность вызывала неоднозначные оценки) указывал на опасности, таящиеся в невыверенной богословской литургичности, в которой «меня коробит слишком сильная импровизация.

Литургическое творчество — это обогащение служб, а не импровизирование каждый раз чего-то нового, что является сектантским и, во всяком случае, протестантской медитацией, а не церковной молитвой» [Пасхальный свет 2014: 329] (кстати, именно невоздержанность и излишняя «импровизационность», ведущая к утрате трезвого взгляда на литургичность, стали одной из причин разрыва Лосского и других людей из его окружения с Е. Е. Ковалевским, о котором его брат, П. Е. Ковалевский, писал: «Очень меня покоробило также, что сейчас же по окончанию службы все, и в первую очередь Евграф, начали курить. Первые его слова после молебна были: “Кто может мне дать папиросу?” Это уже — духовная распущенность, — именно распущенность, а не духовное освобождение, о котором говорил Лосский» [Там же]). Излишняя вольность в толковании сущности литургичности и, следовательно, богословской музыкальности, отказ от догматически обоснованных принципов построения литургии и церковных богослужений становились для Лосского важным уроком в необходимости сохранения и в музыкальности канонических богословских позиций.

Использование музыкальности как богословского ресурса обязано, по мнению Лосского, научать особому типу духовно-эстетического поведения, при котором «распущенность» должна быть преодолена: «Музыкант, будь он композитор или исполнитель, должен быть “богословом”, разумеется, в смысле культивирования в себе самом “кафолического” сознания Церкви. Это означает, в частности, что он никогда не должен забывать о том, что его роль — служить богослужению и избегать “самовосхваления”. А это означает налагать на себя определенные самоограничения с целью послужить народу Божию, а не навязывать другим своего “частного” мнения, вкусов» [Лосский. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vladimir_Losskij/bogoslovskie-osnovy-tserkovnogo-penija]. Музыкальность помогает, по идее Лосского, раскрывать новые грани богословствования: богословие сверхиндивидуалистично, оно призвано дать опыт преодоления эгоцентризма, являющего себя в кажущейся вседозволенности музыкальности, обрести четкие контуры догматической и канонической верности в «безбрежности» музыкальных возможностей. Богословский результат погружения в музыкальность позволяет богослову обрести понимание богословствования как служения, предполагающего отход от индивидуалистического самовосхваления к восхвалению Бога.

В богословски выверенной музыкальности происходит преображение цели музыкального дарования: «Музыкант искренне склонен думать, что выражение его артистической индивидуальности есть выражение Божественной красоты, следовательно, приемлемо для всех» [Там же]. От оторванности в своем индивидуально-музыкальном выражении музыкант-богослов переходит к всеобщности богославия в красоте явленной музыкальности. В этом, по мнению Лосского, и состоит главный богословский ресурс музыки. Распознание и вложение в музыкальное творчество богословски осмысленного стремления к прославлению Бога способно придать музыкальности чаемый вектор к встрече с Божественным, что и определяет обязанность «музыканта быть богословом». Обозначенные Лосским «бдительность, скромность и строгость стиля» призывают музыку к служению Слову, ведь «музыка призвана служить именно этому очищенному слову, связывающему со Словом Божиим» [Там же]. Музыкальность способна преобразить индивидуальное в человеке и вывести его на путь личностно своеобразного богословствования, так как «каждый человек уникален и по-своему и неповторимо становится “богословом”» [Там же]. Через широту возможностей музыкальности человек способен обрести свой стиль богословствования, выбрать тот темп, ритм и гармоничность богословствования, которые соответствуют линии именно его личной встречи с Богом; но эта траектория станет духовно полезной и завершенной в намеченной точке лишь при условии соблюдения церковной догматичности и каноничности.

Не только словесная поэтичность и музыкальность стали для Лосского «жанрами» богословствования, богословские основания обнаруживались им и в изобразительном, прежде всего иконописном, искусстве. Уже обретенный опыт богословского истолкования иконописания, явленный в 1940-х годах в книге «Смысл икон», написанной совместно с Л. А. Успенским, в последние годы Лосского насыщается новыми смыслами и оттенками. Так, в его богословском инструментарии появляется особое понимание духовной значимости видимого, когда зрительное восприятие обретает устремленность по пути обожения. Обращенность к Божественному начинает обретать «оптические» характеристики: «С момента крещения благодать начинает живописать, поверх образа, подобие Божие, как изображение Бога» [Лосский 2006: 406]. Боговидение — определение, которое являлось одним из ключевых для позднего Лосского — становится именно

ви́дением Божественного присутствия, явленного в духовном изобразительном искусстве. Божественная благодать способна, согласно Лосскому, обретать визуально-живописные черты, и для раскрытия смысла этой грани богоприсутствия от богослова требуется серьезное отношение к визуальному искусствоведению.

Подлинно духовная красота призываема в мир через богословское осмысление, и результатом такого призывания становится благодарение за возможность восприятия красоты, возникновение радости от присутствия духовно-прекрасного в том месте, где человек открывает себя Богу, встречается с Божественным. Контуры места встречи с Богом определяемы в том числе и контурами воспринимаемого прекрасного, и тогда богословие получает уникальную возможность преобразиться в жизнеутверждающе-благодарящий гимн, расширить горизонты духовного восторга перед миром Божиим, преодолевая деструктивное «нет», свойственное атеистической эстетике.

Принципиальным становится понимание преображенного зрения, благодаря которому богоприсутствие становится явным. Через богословское осмысление визуальных изображений, прежде всего, конечно, икон, Лосский предлагал изменить фокус видения всего мира, внести в мировосприятие особый «фильтр» богословского видения, дающий возможность прозревать сквозь-вещественность богоявленности. Результатом такого богословского «искусствоведения» должно стать обретение способности видеть Божественное в Его славе, а не только в материально-цветовом воплощении. Ссылаясь на мнение Диадоха Фотикийского, В. Н. Лосский подчеркивал специфическую визуальность боговидения: «В будущем веке Бог будет зрим не в Своей природе, не в каком-либо образе, но в силе Своей славы» [Там же: 407]. Преображение духовного зрения, подготовка зрения к восприятию встречи с Божественным требуют от богослова навыка в духовном видении богоприсутствия через внешнюю изобразительность. Показательно, что у позднего Лосского встречается четкое указание на то, что воплощенная духовность в иконописании способна стать руководством для богословской системы, для конкретного богословствования: «Непосредственным основанием богословия как учения является — так же как для иконописания — воплощение Слова. Поскольку Слово воплотилось, Оно может быть предметом мысли и научения, так же как Оно может и изображаться» [Лосский 1979: 101]. Воплощенность Слова требует от бого-

словского слова духовно-искусствоведческого навыка, само богословие, погружаясь в духовную визуализацию, обретает черты искусства, а потому богослов обязан быть восприимчивым к художественно-изобразительной передаче присутствия Божественного.

Литература

Лосский В. Н. Богословские основы церковного пения… — Богословские основы церковного пения. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vladimir_Losskij/bogoslovskie-osnovy-tserkovnogo-penija/ (дата обращения: 18.06.2020).

Лосский В. Н. Боговидение. Москва : АСТ, 2006.

Лосский В. Н. Вера и богословие // Вестник Русского западно-европейского Патриаршего экзархата, 1979. № 101–104.

Лосский Николай, свящ. Очерк богословия литургической музыки. Православный взгляд. Москва : Познание, 2021.

Лосский Н. О. Воспоминания. Жизнь и философский путь. Мюнхен, 1968.

Пасхальный свет на улице Дарю: дневники Петра Евграфовича Ковалевского 1937–1948 годов. Нижний Новгород : Христианская библиотека, 2014.

References

Losskii N. O. *Vospominaniya. Zhizn' i filosofskii put'* [Memoirs. Life and philosophical path]. Munich, 1968.

Losskii Nikolai, svyashch. *Ocherk bogosloviya liturgicheskoi muzyki. Pravoslavnyi vzglyad* [Essay on the theology of liturgical music. Orthodox view]. Moscow, Poznanie Publ., 2021.

Losskii V. N. [Faith and theology]. *Vestnik Russkogo zapadno-evropeiskogo Patriarshego ehkzarkhata* [Bulletin of the Russian Western European Patriarchal Exarchate], 1979, no. 101–104. (In Russ.)

Losskii V. N. *Bogovidenie* [Vision of God]. Moscow, AST Publ., 2006.

Losskii. *Bogoslovskie osnovy tserkovnogo peniya* [Theological foundations of church singing]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Vladimir_Losskij/bogoslovskie-osnovy-tserkovnogo-penija/ (accessed 18.06.2020).

Paskhal'nyi svet na ulitse Daryu: dnevniki Petra Evgrafovicha Kovalevskogo 1937–1948 godov [Easter light on Daryu Street: diaries of Pyotr Evgrafovich Kovalevsky 1937–1948]. Nizhny Novgorod, Khristianskaya biblioteka Publ., 2014.